

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЫ «ЖИТИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА»

О. А. Горбацевич

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 29 июня 2023 г.

Аннотация: в настоящей статье рассматривается субъектная сфера «Жития протопопа Аввакума»: чередование носителей речи (диегетических нарраторов), использование сказовой формы повествования, «замещенной прямой речи».

Ключевые слова: Аввакум, жанр, «сфера фразеологии», риторический прием, тропика, этикет, нарратив.

Abstract: the article discusses the subjective sphere of “The Life of Archpriest Avvakum”: the alternation of speech carriers (diegetic narrators), the use of the skaz form of narration, “free indirect discourse”.

Keywords: Avvakum, genre, sphere of phraseology, rhetorical device, tropes, etiquette, narrative.

Созданное в кризисное для России время «Житие протопопа Аввакума» (1672–1673), свидетельствующее о противостоянии личности общественным процессам, не могло состояться в жанровой «гладкости». Разногласия Аввакума (1620–1682 гг.) и его противников на религиозной почве (что породило экспрессию тона), жанрологическая неопределенность (как следствие временной отдаленности) стали причиной эклектичности формы произведения, привлекающей внимание исследователей. Н. К. Гудзий назвал «Житие» *автобиографическим* [4, 15], В. В. Виноградов отметил, что автор создавал свое знаменитое произведение «в форме речевой, бесхитростной импровизации, «беседы», «вяканья»» [1, 208]. А. Н. Робинсон предположил, что перед нами «мемуары» [16, 71], исследователь Н. М. Герасимова справедливо заметила след жанра «послания» в данной «гетерогенной <...> структуре» [2, 72]. Знарок древнерусской литературы Н. С. Демкова, согласившись с определением Н. М. Герасимовой, внесла ценное уточнение: «Житие» ориентировано «на апостольские послания и, прежде всего, на послания апостола Павла» [8, 271]. Приведенные протопопом Аввакумом свидетельства о пытках, казнях своих единомышленников («во иноцех Агафьи», «дьякона Феодора», «соловецкого пустычника, инока-схимника Епифания старца» и др.) позволили исследователю приблизить «Житие» к *мартириям*, ибо «спецификой ранних христианских мученичеств-мартириев (acta) является их историчность и документальность: сообщаются не только имена участников события и очевидцев, иногда описывается и сама казнь» [8, 273].

Жанровая эклектика повлекла за собой и стилистическую, потому что протопоп Аввакум использует и полную экспрессию, по-своему, безусловно,

очень красивую «живую народную речь» [8, 269], и «церковно-славянские речения» [6, 300], и цитаты Священного Писания, свидетельствующие о глубочайшем проникновении Аввакума в христианскую философию. Такая стилистическая многоплановость указывает еще и на то, что автор мог осознанно применить такой прием, как *контраст* (риторическое противопоставление, часто встречающееся в народной паремике и в Ветхом Завете), который мог воздействовать на «чтущих и слышащих» единомышленников и идеологических антагонистов.

Б. А. Успенский отметил, что протопоп Аввакум, прибегая к описанному совмещению, позволил высветиться «бытовому плану» [17, 29]. Исследователь также напомнил, что такие примеры в литературе нередки, например, в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина при сопоставлении *романтических* и *реалистических* типологических данностей происходит «снижение» [Там же] первых. Подобную стилистическую картину рассмотрели и филологи (А. С. Долинин (размышления о свойственной А. П. Чехову «дискредитации канонов» [9, 75]); А. П. Чудаков («прием объединения разнонаправленных элементов в тексте» [18, 212]); Г. А. Шпилевая (стилистический контраст как возможность ярче высветить «трагическую ситуацию» [19, 139]) и др.), проанализировавшие одноактную чеховскую пьесу «Татьяна Репина» (1889), где *высокий* «чин венчания» подчеркнута противопоставлен замечаниям равнодушной к чужим бедам *паствы*. Реплики «из толпы» не только неуместны (не приличествуют ситуации), но и свидетельствуют о жестокости богатой и циничной публики, способствовавшей смерти главной героини.

Отметим, что задачей протопопа Аввакума было не столько противопоставить «сакральную и бытовую сферы», сколько соединить их, и осуществляется

это «с помощью сквозных символических значений, раскрывающихся в метафоре» [11, 121]. Действительно, Аввакум часто использует тропы (как явные, так и скрытые сравнения), объединяющие теософские понятия и реалии биографии автора. Например, знакомясь с идеологическим противником протопопа — казачьим атаманом Пашковым, читатель проникает в суть ассоциаций автора: «Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и збил меня с ног, и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом» [10, 26]. «Дивий зверь» — образ, свидетельствующий о том, что Аввакум был очень изобретательным, «замечательным писателем» [14, 142], а далее «просвечивает» текст Нагорной Проповеди («подставить другую щеку»), сакральный подтекст цифры «три». При этом данное происшествие настолько реально, что, как указано в Комментариях к цитируемому изданию, «подтверждается донесениями самого А. Пашкова в Москву, а также челобитной (1658 г.) архиепископа Симеона о злоупотреблениях даурского воеводы своей властью» [10, 347].

Б. А. Успенский указал на использование Аввакумом «замещенной прямой речи»: «Цитатами из Библии говорит не только сам Аввакум (что могло бы быть объяснено его духовным образованием), но и другие действующие лица. Так, в уста врага Аввакума, казачьего атамана Пашкова, Аввакум вкладывает слова Иуды («Согрешил окаянный, пролил кровь неповинную, Матф. XXVII, 4) [17, 64–65]. Подобная стилистическая «фигура» призвана укрепить протопопа Аввакума, его «союзников» и всех единомышленников в правомерности своих деяний, справедливости борьбы.

Исследователи неоднократно отмечали присутствие в «Житии» сказа, чьи поэтологические признаки свойственны «устной художественной прозе» [6, 284]. Если Священное Писание укрепляет автора в праведности его поступков и мыслей, то ориентация на устную речь (сказ) ведет к возникновению «особого тона его общения с читателем» [6, 298], а именно: убедительно задушевного, исповедально-искренне дружественного, конфиденциального.

Русская письменная проза «возникла как *произносимое слово*» [13, 25], и протопопа Аввакума можно считать одним из участников этого процесса. Артистически оформленное «устное слово» (сказ), в свою очередь, связано с театральностью, предопределяющей «прямое общение с аудиторией, и не просто с аудиторией, а со *своей* аудиторией» [Там же]. Ее, как известно, составляли и представители современных Аввакуму высших сословий (отчасти ему благоволил «государь», сочувствовала робко «стоявшая» за него *царица-заступница*, а также поддерживали некоторые упомянутые служители церкви), и люди из демократических низов.

В «Житии» нашли отражение и правила этикета, диктующие употребление уменьшительных,

ласкательных и уничижительных суффиксов как в устной, так и в письменной речи. Названный словообразовательный элемент указывал на доброжелательное отношение, сочувствие, а порой и на пренебрежение.

Например, курице, которая спасала от голода Аввакума, его супругу, Анастасию Марковну, и детей, автор адресует задушевные слова: «Курочка у нас черненька была, по два яичка на день приносила» [10, 32]. Таким же образом неоднократно автор обращается и к мученикам-«союзникам»: «Детушки миленькие мои, пострадали за Христа!» [10, 46]. Идеологических противников характеризуют сравнения, содержащие слова с уничижительным смыслом: «...что волчонки, вскоца, завыли...» [Там же, 48].

Не забывает об «этикетных формах вежливости» [17, 37] Аввакум и по отношению к себе, что указывает на «самоумаление (самоуничижение)»: «...буде же по мне люди, и я, на сошке складеньки поставя, правльца поговорю» [10, 41].

Рассмотрим такую категорию, как «точка зрения» (разработана Б. О. Корманом, Б. А. Успенским, П. Рикером и другими учеными), проявляющаяся, например, в *идеологическом* плане, то есть в плане оценок, поскольку идеология есть система, направляющая концептуальное видение мира во всем произведении или в его части» [15, 101]. «Точка зрения» (формирующая «глубинную композицию» (термин Б. А. Успенского)) проявляется «в плане фразеологии» (описание «разных героев различным языком» [17, 30], в виде «пространственно-временной характеристики» (воспринимающая текст сторона может получать информацию «о месте (определяемом в пространственных или временных координатах), с которого ведется повествование» [17, 80]). *План психологии*, опора на «субъективную точку зрения» или стремление «описывать события по возможности *объективно*» [17, 108], обусловлен волей автора представить «описанное положение дел как факты, полагаемые необходимыми с любой точки зрения, или как впечатления, испытанные отдельным индивидом» [15, 102].

План фразеологической «точки зрения» особенно ярко проявляется в случаях использования «замещенной прямой речи», когда автор «Жития» (избегая несобственно прямой речи) в качестве диалектического нарратора (ведущего повествование от первого лица) цитирует своего врага, казачьего атамана Пашкова: «Для-де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» [10, 26]. «Уступая первенство речи» (П. Рикер) атаману, лишившему семью протопопа водного транспорта, назвавшему самого Аввакума «еретиком», нарратор далее уже *своим языком* маркирует личное обращение к Богу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» [10, 26]. Фразеологическая «точка зрения» в данном случае создает определенный (ценностный)

треугольник, представляющий позицию Аввакума, его «мучителя» Пашкова и предполагаемую высшую, божескую (так как «Егоже трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки»). Иногда добавляется голос *самых* главных «противников» Бога (бесов), и тогда создается оценочный четырехугольник: «Бес-от веть не мужик: батого не боится; боится он креста Христова да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бежит от тела Христова...» [10, 30].

По мысли Б. А. Успенского, часто можно наблюдать совмещение «точек зрения» (например, фразеологической и временной), чему способствует использование различных глагольных форм. В свое время Д. С. Лихачев сделал очень ценное наблюдение, касающееся смены времен глагола создателем «Жития»: «...он обобщает: рассказывает не как *было*, а как *бывало*». Речь идет о слове «принашивали», *растягивающем* действие [12, 304].

Б. А. Успенский рассмотрел пример «чередования грамматических времен <...> в одной и той же фразе», что создало «внезапную смену точек зрения» [17, 98]: «Он меня *лает*, а я ему *рекл*: «благодарить в устнех твоих, Иван Родионович, да будет»» [17, 98]. Безусловно, «рекл» (форма прошедшего времени) Аввакума выглядит неизмеримо достойнее звероподобного «лает» (настоящее время), исходящего от Ивана Родионовича.

Б. А. Успенский (ссылаясь на наблюдение Д. С. Лихачева) отмечает «игру времен», свойственную автору рассматриваемого произведения, так как учитывается не только его *прошлое* и *настоящее*, но и *будущее*: «с точки зрения будущей (загробной) жизни» [17, 94–95]. Аввакум, как и подобает верующему человеку, служителю церкви, да еще и последовательному борцу за свои идеалы, конечно же, готовится к смерти. Он предстает и в качестве мученика («то как богослов <...>, то как пророк» [6, 296]), берущего на себя ответственность не только за *свое* будущее.

Красноречивым примером указанной «игры времен» может служить эпизод, где повествуется о том, как Аввакум «лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине» [10, 57]. Супруга и дети «нехотя бьют и плачут», а сам *грешник* им грозит: «Аще кто бить меня не станет, де не имать со мною части во царствии небеснем!» [Там же, 58]. Очевидно, что Аввакум ассоциирует себя с Иисусом и цитирует Евангелие от Иоанна (13:8): «Говорит Ему Петр: не умоешь Ты моих ног вовек. Ответил ему Иисус: если не умою тебя, ты не имеешь части со Мною», или «не будет у нас с тобой ничего общего». Как видно, автор «Жития», описывая бытовой семейный скандал (рутинное *настоящее*), рассматривает его через отдаленное *прошлое* (диалог Христа и апостола Петра), но при этом обращается в *будущее* (мысли о «царствии небесном»).

Временные координаты в «Житии» соотносятся как с календарем религиозным («на Велик день»,

«то было в понедельник светлой»), так и с бытовым («пожил у меня с полгода на Москве», «час-другой», «держав десеть недель в Пафнутьеве на чепах»), что указывает на устремленность автора к временно-континууму: представлению о *параллельности*, одновременности совершающихся событий — в сиюминутном измерении и в Вечности (понимаемой с христианской позиции).

Оценка происходящего, описываемого с *про странственной* «точки зрения», совершается в плане представлений «автора биографического» (в терминологии Б. О. Кормана) о жизни земной (низовой) и мире небесном (высшем). В «Житии» присутствуют многочисленные топонимы («взяли меня паки в Москву», «да и повезли на Мезень», «в Даурской земле», «в Тобольске зимовал»), свидетельствующие о насильственном перемещении по Руси, связанном с тяжелейшими испытаниями, выпавшими на долю всей семьи, и даже со смертью детей Аввакума и «протопопицы» Анастасии Марковны. Однако мужественный, жизнелюбивый автор уверен, что недобровольные его путешествия совершаются и по воле Господа («И плачу и радуюся, благодаря Бога!»); он также не устает восхищаться божьими творениями: травами («благовонны гораздо»), птицами («зело много, гусей и лебедей...»), обилием рыбы: «осетры и таймени жирны гораздо» [10, 38].

«План психологии», предоставление «впечатлений» или, напротив, «фактов» [17, 110]), также маркируется словом «палачей», «грешников» «еретиков» (субъективная «точка зрения») или цитатами из Священного Писания (объективная оценка). «Неправедная» позиция свойственна Никону: «Как говорил Никон, адов пес, так и зделал: «Печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому!»». В противовес этому дается *верная, объективная* оценка, обусловленная «старой» (правильной, с точки зрения Аввакума) верой: «Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а страждущим от них вечная память 3-жды!» [10, 53].

Интерферирование перечисленных «точек зрения» демонстрирует желание автора «Жития» дать «широкое художественное обобщение характерных явлений русской жизни середины XVII века» [5, 35], а также решить «основную задачу произведения — «да не забвению предано будет дело Божие»» [7, 245]. Такая позиция «автора-концептированного» дает возможность определить ему идеологическую «точку зрения»: доказывать Словом и Делом свою правоту (таким образом проявляется мужество, «авторская свобода Аввакума» [8, 281]), какие бы препоны ни ставил жестокий «внешний» мир.

Композиция «Жития» подчинена определенному канону, произведение (его экспозиция), как и положено, начинается с молитвы («Всесвятая Троице, Боже и Создателю всего мира! Поспеш и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими, яже

ныне хочу глаголати аз недостойный»), с размышлений об «истинном Боге», с напоминания о затмении солнца «в нашей России» (действительно случившемся в 1654 г.), то есть с категорий и явлений «общих» по отношению к субъекту речи. Затем мы наблюдаем движение к изложению фактов жизни «отдельной» личности, чьим призванием, кроме забот о «частном интересе» (воспитание детей, добыча пищи), стало врачевание больных, проповеди, обличение «веротступников», сторонников религиозных нововведений. Переходы от частного к общему постоянно повторяются, что и диктует «ритм» (выступающий как «первоначальная материализация <...> общего замысла» [3, 61]) рассматриваемому произведению.

Отдельная (единичная), субъективно воспринимаемая ситуация, как правило, завершается обобщением: «Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же священника Лазоря и инока Епифания старца: острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленькие! Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. Да пускай их терпят! Что о них тужить? Христос и лутче их был, да то же Ему, Свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Каиафы; а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают!» [10, 49]. Возникающий ритм обусловил сочетание профанного и сакрального, внедрение «высоких» (евангельских) цитат и реминисценций во «вставные новеллы», явно отражающие бытовые реалии. Этим же ритмом обусловлено и чередование *высокой* и *низкой* лексики, органичное объединение реального и фантастического (чудесные исцеления, удивительные видения и пр.). По такому же принципу создана и композиция некоторых молитв, например, «Отче наш», где соседствуют «отец небесный», его «воля» с самым бытовым: «хлеб наш насущный...».

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем «Жития» протопопа Аввакума / В. В. Виноградов // Русская речь: Сборники статей / Под ред. Л. В. Щербы. 1. — Пг.: Издание фонетич. ин-та практич. изучения языков, 1923. — [Ч.] I. — С. 195–293.
2. Герасимова Н. М. Поэтика «Жития» протопопа Аввакума: учебное пособие / Н. М. Герасимова. — СПб.: СПбГУ, 1993. — 87 с.
3. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы / М. М. Гиршман. — М.: Советский писатель, 1982. — 368 с.
4. Гудзий Н. К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление / Н. К. Гудзий // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. — М.: Academia, 1934. — С. 7–59.
5. Гусев В. Е. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века / В. Е. Гусев // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. — С. 5–51.
6. Демкова Н. С. Драматизация повествования в «Житии» и других сочинениях протопопа Аввакума / Н. С. Демкова // Житие протопопа Аввакума. — СПб.: Наука, 2019. — С. 283–304.
7. Демкова Н. С. «Житие протопопа Аввакума как сюжетное произведение и проблемы его композиции / Н. С. Демкова // Житие протопопа Аввакума. — СПб.: Наука, 2019. — С. 243–268.
8. Демкова Н. С. О жанровой ориентации автобиографических «Житий» протопопа Аввакума и инока Епифания / Н. С. Демкова // Житие протопопа Аввакума. — СПб.: Наука, 2019. — С. 269–282.
9. Долинин А. С. Пародия ли «Татьян Репина» Чехова? / А. С. Долинин // Чехов А. П. Затерянные произведения, неизданные письма, воспоминания, библиография. — Л.: Атеней, 1925. — С. 59–84.
10. Житие протопопа Аввакума. — СПб.: Наука, 2019. — 454 с.
11. Липич О. В. Поэтика прозы Аввакума (символы и тропы) / О. В. Липич // Вестник Московского университета им. М. В. Ломоносова. Серия 10. Журналистика. 2005. — № 2. — С. 113–126.
12. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Л.: Художественная литература, 1971. — 414 с.
13. Муценко Е. Г. Поэтика сказа / Е. Г. Муценко, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1978. — 288 с.
14. Панченко А. М. Аввакум как новатор / А. М. Панченко // Русская литература. — 4. — 1982. — С. 142–152.
15. Рикер П. Время и рассказ. Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе / П. Рикер. — М., СПб.: Университетская книга, 2000. — 224 с.
16. Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты / А. Н. Робинсон. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 316 с.
17. Успенский Б. А. Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве / Б. А. Успенский. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 360 с.
18. Чудаков А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. — М.: Советский писатель, 1986. — 384 с.
19. Шпилевая Г. А. «Татьяна Репина» А. С. Суворина и А. П. Чехова: к вопросу о соотношении беллетристики и классики / Г. А. Шпилевая // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения — 2013. — СПб.: СПбГУТД, 2014. — Ч. 2. Литературоведение. — С. 139–149.

Воронежский государственный педагогический университет Горбачевич О. А., аспирант Воронежского государственного педагогического университета
E-mail: goa696@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University
Gorbatsevich O. A., Postgraduate Student Voronezh State Pedagogical University
E-mail: goa696@mail.ru